

А.Ю. Ермолов

*к.и.н., старший научный сотрудник, Институт экономики РАН
(Москва)*

ВЗГЛЯДЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЗДНЕГО СССР (ЧАСТЬ 2)

Аннотация. Работа посвящена характеристике взглядов современных зарубежных историков, экономистов и политологов на экономические проблемы позднего СССР. Считается, что реакция на эти проблемы привела к экономическим и политическим реформам, которые в конечном итоге сформировали Российскую Федерацию такой, какова она сейчас. Но был ли диагноз поставлен правильно? Современные зарубежные исследователи предложили ряд собственных интерпретаций экономических проблем позднего СССР, которые в чём-то пересекаются, а в чём-то противоречат друг другу. Каждый видит какие-то свои важные факторы, но игнорирует другие. В значительной степени расхождения предопределяются предыдущей исследовательской деятельностью и ранее сформировавшимися взглядами. Поскольку эти взгляды и опыт различаются, то единая позиция в таком сложном вопросе становится невозможной. Тем не менее в каждом направлении можно найти полезные идеи или, как минимум, обоснованные причины задуматься о необходимости дополнительного изучения, казалось бы, уже давно установленных фактов. Каковы на самом деле были причины падения совокупной производительности факторов производства? Другой пример полезной идеи, которую нужно развивать дальше — необходимость изучать происходившие в элите процессы. Надо признать, что для развития экономики элита имеет значение. Изучение взглядов зарубежных авторов помогает выявление «структур когнитивности», формирующих объяснения прошлых событий, и в том числе «слепых пятен», то есть тех очевидных явлений или процессов, которые воспринимаются как несуществующие. Такие слепые пятна неизбежны и у российских, и у зарубежных авторов, и сравнение взглядов дает шанс их увидеть и у тех, и у других. Во второй части статьи рассматриваются новые концепции, предлагающие иные подходы, отличающиеся от господствовавших в эпоху холодной войны.

Ключевые слова: *экономическая история СССР, распад СССР, плановая экономика, социализм, рыночные реформы, институты, элиты, бюрократия.*

JEL: P2, P20, P21, P27, P3.

DOI: 10.24411/2587-7666-2021-10108.

Неоревизионизм Роберта Аллена

Оригинальные взгляды, которые можно охарактеризовать как неоревизионистские и отчасти как структуралистские, высказал в своей книге «От фермы к фабрике» Роберт Аллен¹. Эта книга посвящена в первую очередь советской индустриализации 1930-х годов и написана в очень комплиментарном по отношению к СССР стиле. Отчасти это объясняется его сомнениями в обоснованности сопоставления СССР с Западной Европой и США, которые изначально находились на другом уровне развития, и даже с Японией, Южной

¹ Роберт Аллен, профессор экономической истории Оксфордского университета, автор ряда книг и статей по широкому спектру вопросов экономической истории, от истории огораживания в Англии до конкуренции в сталелитейной промышленности. В центре его научных интересов — процессы перехода к индустриальному обществу. Наиболее известная его книга – «Британская промышленная революция в мировой перспективе».

Кореей и Тайванем, которые находились под воздействием невоспроизводимых в других местах культурных и политических факторов. Здесь взгляды Аллена совпадают с традиционным ревизионизмом, который рассматривал ранний СССР в первую очередь как страну, проводящую индустриальную модернизацию, а поздний — как модернизированное урбанизированное общество с индустриальной экономикой. Исходя из таких позиций, Аллен утверждал, что созданные в период раннего СССР экономические институты — «более совершенный способ использования рычагов государственного управления для стимулирования роста экономики» [Аллен, 2013. С. 31], что вызывает, однако, неизбежный вопрос, который он сам перед собой поставил в своём исследовании: «Как случилось и каковы причины того, что резкий экономический рост, наблюдавшийся в СССР до начала 1970-х годов, внезапно сменился замедлением темпов в последние два десятилетия существования Советского Союза? Можно ли говорить о том, что замедление темпов роста стало показателем фундаментальных противоречий советской системы, или же причина кроется во внешних факторах или ошибках политического характера, которых можно было избежать?» [Аллен, 2013. С. 22] Отвечая на этот вопрос, Аллен излагает своё мнение о том, в чём был корень экономических проблем позднего СССР.

Рост продуктивности факторов производства по отраслям, 1965–1985, %

	1965–1975	1975–1985
<i>Относительно успешные</i>		
Газ	30	49
Электроэнергия	30	8
Химическая промышленность	26	10
<i>Плохие результаты</i>		
Машиностроение	20	-1
Конструкционные материалы	15	-3
Легкая промышленность	12	3
Пищевая промышленность	12	-7
Прочее	-3	2
<i>Катастрофа</i>		
Уголь	7	-24
Нефть	35	-21
Черная металлургия	14	-11
<i>Общий итог</i>	<i>18</i>	<i>-1</i>

Источник: Аллен Р.С. От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. С. 264.

Роберт Аллен, подробно изложив традиционные взгляды М. Вайцмана, У. Истерли и С. Фишера, согласно которым падение эффективности советской модели экономики было связано с исчерпанием трудовых ресурсов и низкой эластичностью замещения между капиталом и трудом, что привело к падению совокупной производительности факторов производства, затем неожиданно переходит к их критике со структуралистских позиций. При этом ему на помощь приходит его интерес к истории некоторых отраслей промышленности, в частности, металлургии о которой он написал ряд статей [Allen, 1979. Pp. 911–937].

Аллен считает, что неправомерно просто заявить на основании общих агрегированных показателей, что коэффициент эластичности замещения между трудом и капиталом составлял 0,4, не проведя более детального анализа, в том числе с разбивкой по секторам и разбором конкретных стратегических управленческих решений. Вместо этого он предлагает обратить внимание на то, что отрасли страдали от падения совокупной производительности факторов производства неравномерно (см. табл.), и их можно с этой точки зрения разделить на три категории, сильно отличающиеся по своим тенденциям. Далее он обращает внимание на то, что решающий вклад в падение совокупной производительности факторов производства в 1975–1985 гг. внесло всего три отрасли: черная металлургия, нефтяная промышленность и угольная промышленность. Все эти отрасли испытали серьёзные негативные последствия истощения природных ресурсов в европейской части СССР, где были использованы легко извлекаемые запасы железной руды, угля и нефти. Реакцией на этот процесс стал перенос внимания к развитию ресурсной базы в Сибири, где условия добычи были существенно хуже, и требовались большие вложения. Природные богатства Сибири, по мнению Аллена, оказались не «благословенным даром», а «чёрной дырой», поглотившей инвестиционный капитал Советского Союза [Аллен, 2013. С. 266].

Что касается металлургии, то её проблемой оказалась не только истощённость месторождений, заставлявшая зарываться в землю всё глубже, чтобы добывать всё меньше железной руды со всё большей себестоимостью, но и ошибочная стратегия развития отрасли. Вместо того, чтобы сосредоточиться на строительстве новых современных металлургических заводов, постепенно ликвидируя старые, была избрана стратегия модернизации уже существующих производств, на что тратилось 60% инвестиций. Тем самым отрасль обрекалась на неэффективность, так как мировой тренд развития металлургии в это время шёл в совсем ином направлении. В качестве противоположного примера Аллен приводит Японию, где в этот период наблюдался быстрый рост металлургии. Этот рост был обеспечен за счёт строительства 9 новых сталелитейных заводов средней мощностью 9 млн т. Именно такие заводы были экономически эффективными на том уровне развития технологий. В СССР же большинство заводов выплавляло в год от 1 до 5 млн т стали, а вновь построенные заводы имели мощность в среднем в 7 млн т. На старых заводах существовало множество препятствий для повышения производства, даже в случае модернизации и применения нового оборудования и технологий. Их инфраструктура не была рассчитана на более высокие объёмы производства, их площади были слишком ограниченными, не приспособленными для эффективной эксплуатации нового оборудования, а транспортные коммуникации ограничивали поступление сырья и вывоз готовой продукции. Получается, что СССР, руководителей которого часто упрекали в стремлении к гигантизму, не проявил его именно там, где это было как раз уместно.

Аллен пишет и о другом провале, недооценке важности экономии энергоресурсов. Представители власти лишь говорили о его необходимости, но при этом не готовы были делать хоть что-то для воплощения этой политики в жизнь. В частности, её проведение упиралось в отсутствие измерительных приборов. Их производство надо было налаживать, для этого требовалось время, но руководство страны хотело результатов «здесь и сейчас» [Аллен, 2013. С. 272]. Эта мысль Аллена вызывает некоторое сомнение: ведь освоение энергоресурсов Сибири тоже не давало результатов «здесь и сейчас», но выбор был сделан в его пользу.

Далее Аллен сталкивается с ещё одним распространённым тезисом, объясняющим экономические проблемы позднего СССР отсутствием правильных стимулов для принятия решений, которые, как многие считают, может дать только рынок. Не отрицая того, что «цепочка обратной связи в советской экономике была длиннее, включала более высокие уровни и была в целом менее эффективной, чем это возможно в условиях капитализма» [Аллен, 2013. С. 271], он тем не менее считает, что основной проблемой системы принятия решений в СССР было не управленческое звено на предприятиях, то есть не руководители

производства, неспособные выполнить поставленные задачи. Напротив, планы выполнялись, однако именно они изначально несли в себе ошибки политического курса.

Наконец, последний тезис, с которым он спорит — утверждение о неспособности советской экономики создавать и использовать новые технологии, восходящее к работам Дж. Берлинера [Berliner, 1976]. Здесь Аллен сначала приводит в качестве контрдовода тезис о том, что институциональные проблемы в советской научно-исследовательской системе не могут быть объяснением спада 1970-х гг., так как этому спаду не предшествовало никаких серьёзных изменений в этой области. Далее он приводит примеры, свидетельствующие о том, что в действительности в Советском Союзе велась весьма масштабная исследовательская деятельность, в том числе по инициативе предприятий, что опровергает тезис о слабости стимулов, способствующих инновационной деятельности [Аллен, 2013. С. 275]. В действительности инновационная отрасль страдала прежде всего от конкуренции за кадры со стороны ВПК, но это было следствием внешних по отношению к системе факторов: холодной войны и гонки вооружений.

Подводя итог, Аллен приходит к ответу на заданный им самим в начале книги вопрос. В провале виноваты именно ошибки политического руководства и внешние по отношению к системе факторы. «Возможность претворения в жизнь глобальных изменений посредством директив вышестоящих кругов являлась важным преимуществом советской социалистической системы... Но к 1970 г. нарушился баланс между «правильными» и «неправильными» экономическими решениями... Особенность советской экономики, которая изначально являлась её сильной стороной, впоследствии стала её главным недостатком. Рост экономики прекратился лишь потому, что руководству страны не хватало находчивости, позволяющей справиться с новыми вызовами» [Аллен, 2013. С. 279].

Книга Аллена закономерно встретила довольно активную критику со стороны научного сообщества [Ellman, 2004. Рр. 841–849]. Но при этом критика сосредоточилась на её основной части, где Аллен пишет об индустриализации 1930-х гг. Автора обвиняли в оправдании сталинизма, в отказе учитывать страдания людей, притесняемых советской системой. Авторские же гипотезы о причинах экономических проблем позднего СССР остались на периферии дискуссии (хотя и обсуждался вопрос о достоверности используемых Алленом данных).

В той части, где Аллен прибегает к структуралистскому анализу, его идеи выглядят убедительно. Более того, они хорошо ложатся на доступный фактический материал. У меня, когда я читал его работу, перед глазами вставала картина Тагильского металлургического завода, закрытого лишь в 1990-е гг. Основанный ещё Демидовыми, он находился в центре города, не имел возможности для расширения. Тем не менее в 1970-е гг. он подвергся реконструкции, которая, судя по масштабам строительства, была достаточно затратной. Но из-за перечисленных выше недостатков этой производственной площадки она не смогла окупиться. Это живой конкретный пример того, как ошибочная экономическая политика вела к падению производительности капитала. Верно подмечены и проблемы со снабжением железной рудой. В позднем СССР география размещения металлургических предприятий действительно всё меньше и меньше оставалась адекватной ресурсной базе. Что касается последней, то реальная ситуация выглядела даже хуже, чем представляет себе Аллен, хотя и в несколько ином направлении. Сильнее всего были исчерпаны рудники Урала, а не рудники Европейской России. Более того, из Европейской части России приходилось везти руду на Урал, и эта руда обеспечивала потребности уральской металлургии на одну четверть (другая четверть поставок шла из Казахстана, и только половина руды была местной) [Запарий, 2007. С. 45]. Экономические потери при этом были грандиозными, особенно зимой, когда руда смерзалась в вагонах и её доставали из них взрывным способом [Запарий, 2007. С. 53]. Возможно, средства, потраченные на неудачную модернизацию уральских металлургических заводов, следовало использовать для развития местной

сырьевой базы, у которой были ещё не использованные резервы в виде месторождений с низким содержанием железа и нестандартными рудами, требовавшими инновационных подходов. Впрочем, понятно, что этот вариант тоже привел бы к снижению эффективности совокупных факторов производства.

Аллен делает побуждающее к дальнейшим размышлениям сравнение: политика позднего СССР, по его мнению, была бы похожа на такой контрфактический сценарий, в котором США, решив сохранить свою сталелитейную промышленность, вложили бы свои средства в масштабную модернизацию этих заводов, а топливом и рудой стали бы снабжать их из Северной Канады. Вместо этого США перешли к импорту автомобилей и стали из Японии, где их производили, используя дешевое сырье из стран третьего мира. Хотя Аллен и не утверждает это прямо, но, очевидно, он считает, что такой путь был правильным. Это действительно казалось абсолютной истиной в 2003 г. Сейчас уже нельзя давать такую однозначную оценку, поскольку очевидно, что перенос производственных мощностей в другие страны (не только в Японию) привел к тому, что мировая гегемония США оказалась под угрозой. США сами вырастили себе нового соперника.

Впрочем, дело не только в этих долгосрочных последствиях. Вопрос и в том, насколько для СССР вообще было возможно расширение вовлеченности в международные торговые отношения, и в какой форме это расширение могло происходить так, чтобы не оказаться разрушительным для экономики. В конце концов, именно это расширение вовлеченности в международную торговлю и произошло вместе с закрытием старых (к сожалению, не только старых) промышленных предприятий, но оно не принесло с собой перспективы экономического развития. США пока находят способы расплатиться за автомобили, сталь и прочие товары из других стран, но чем бы за них мог расплатиться СССР? Сейчас Россия расплачивается за них нефтью и газом, добытыми преимущественно благодаря тем программам освоения Сибири, которые Аллен критикует как неэффективные. Но если путь США был для СССР закрыт, то мог ли он пойти по пути Японии? Япония великолепно решила проблему логистики, построив свои сталелитейные комбинаты на побережье, где они получали необходимое сырье прямо с кораблей. Но где смог бы построить такие комбинаты СССР? Ещё в первой половине XIX в. самые первые исследователи экономической географии России отмечали одну из её главных проблем — плохую обеспеченность страны водными коммуникациями, препятствующую её вовлеченности в мировую торговлю [Гловели, 2009. С. 20].

Если размышлять над этой проблемой дальше, то получается, что речь шла не только и не столько о соревновании капитализма и социализма или СССР и США. Речь шла о соревновании мира морской торговли и железнодорожной транспортной сети Северной Евразии. Соревнование явно было неравным, поскольку морские перевозки существенно дешевле железнодорожных, а мир значительно больше, чем Северная Евразия.

В конечном итоге, если вспомнить о старой дилемме «жокей или лошадь», Аллен склонен всю вину возлагать на жокея. Лошадь же, как он считает, была не так уж и плоха. Однако, даже если согласиться с такой оценкой, всё равно неизбежно возникают следующие вопросы. Почему именно такие решения принимал «жокей»? И более того, мог ли «жокей» принимать какие-то другие решения? Но это уже ставит вопросы о природе и характере власти в СССР, от анализа которых Аллен воздержался.

Постиндустриализм

Ревизионисты полагают, что СССР обладал мощной экономикой, чья эффективность снижалась из-за ряда проблем. Но что, если именно мощь и масштабы такой экономики были её главной проблемой? Такое возможно, если экономика устарела структурно. С точки зрения структуры экономики главным трендом второй половины прошлого

века принято считать переход к постиндустриальному обществу. И вполне закономерно, что некоторые исследователи захотели посмотреть на проблемы советской экономики с точки зрения перехода к постиндустриальному (информационному) обществу.

Картина, которую рисует нам такой подход, довольно безрадостна. Примером могут служить взгляды Стивена Коткина². По его мнению, советская экономика в период позднего СССР представляла собой «самую большую в мировой истории свалку устаревшего оборудования» [Коткин, 2018. С. 26]. Если это верно, то самой большой проблемой советской экономики было то, как эту свалку утилизировать. Проблема эта не решена по сей день, так как промышленность в Российской Федерации не исчезла полностью. Так что агония советской экономики всё ещё продолжается.

Проблемы СССР не были уникальными. Аналогичные процессы, по мнению Коткина, происходили и в других развитых странах. В 1970-е гг. эпоха индустриальной экономики, построенной в середине прошлого века, исчерпала себя. Толчком стал нефтяной кризис 1973 г., но ещё до этого промышленные гиганты потеряли большую часть своей конкурентоспособности. «Но для тех из них, кто с грехом пополам свои проблемы решал, нефтяной кризис означал час расплаты» [Коткин, 2018. С. 20].

Экономические и социальные потери от нефтяного шока были катастрофичными, но они позволили, во-первых, перейти к более энергоэффективной экономике и, во-вторых, сопровождались переходом к гибкому автоматизированному производству, значительно повысившему производительность труда.

Советский Союз счастливо (как казалось) избежал всего этого комплекса проблем, поскольку воспользовался своим выгодным положением экспортера нефти (а также оружия, продаваемого другим экспортерам нефти). Но в действительности он просто отложил их на более позднее время и обрек себя тем самым на ещё более жестокую катастрофу. Структура советской экономики, построенной как совокупность сверхгигантских индустриальных комплексов, усугубляла её ещё сильнее. Несмотря на предпринятые попытки компьютеризировать производство за счёт импортных технологий, «советские заводы и фабрики оказались не способны к адаптации новых технологий, особенно информационных систем» [Коткин, 2018. С. 69]. Но хуже всего было отсутствие институтов, необходимых для функционирования рынка (в России, по мнению Коткина, они так и не появились до сих пор) [Коткин, 2018. С. 27].

При этом Коткин не считает, что СССР имел какую-то возможность совершить постиндустриальный переход вслед за развитыми странами. По его мнению, единственная реалистичная альтернатива была в том, чтобы пойти по консервативному пути и смириться с экономическими потерями, сохраняя политическую стабильность, отказавшись от непосильных геополитических амбиций и проводя постепенные рыночные реформы. Что же касается рыночных реформ, то они, может быть, могли бы улучшить положение, но фактически переход к рыночной экономике был невозможен, что показал опыт радикальных экономических реформ в Российской Федерации. По мнению Коткина, рыночные реформы в ней так и не были проведены, а остались не более чем иллюзией [Коткин, 2018. С. 130]. Более того, они просто не могли быть проведены в реальных условиях позднего СССР с его беспринципной и бесконтрольной бюрократией.

С другой стороны, СССР был «всеобъемлющим экспериментом по созданию некапиталистического современного общества»³, а также «странной реинкарнацией царской

² Стивен Коткин, профессор истории и международных отношений Принстонского университета, автор нескольких книг о Сталине и сталинском СССР, а также рассказывающей о распаде СССР книги «Предотвращенный Армагеддон». Ученик Мартина Малиа.

³ Тут Коткин следует взглядам своего учителя М. Малиа. В то же время он считает нужным подчеркнуть свои расхождения с обеими школами старой советологии, утверждая, что СССР не был ни «железной диктатурой в изолированном и живущем по своим правилам мире, ни малоинтересной разновидностью западной системы, неуклонно стремящейся к слиянию с ней» [Коткин, 2018. С. 7].

империи» [Коткин, 2018. С. 15]. По этой причине СССР оказался втянут в холодную войну с Западом, которую он был обречён проиграть, независимо от своих достоинств и дефектов. «Представьте себе геополитическое соревнование, в ходе которого одна сторона говорит: «Я возьму Западную Германию и Францию, а ты — Восточную Германию и Румынию; мне достанется Британия и Италия, а тебе — Болгария и Венгрия; мне Япония и Саудовская Аравия, а ты бери Кубу и Анголу». Победитель предсказуем» [Коткин, 2018. С. 32]. Соревнование с капитализмом было невозможно выиграть, но обещание победы над ним было составной частью легитимации режима.

На всё это наложились нереалистичные представления М.С. Горбачёва и нового поколения советской элиты, которые Коткин называет «социалистическим идеализмом» и «романтизмом». Поэтому вместо консервативной стратегии был избран путь попытки реформ, которые должны были реализовать некий нераскрытый потенциал социализма. Эти реформы и стали причиной гибели СССР.

В работе Коткина, на мой взгляд, интерес представляет в первую очередь попытка поместить СССР в контекст мировых социально-экономических процессов. В остальном взгляды Коткина можно считать новой вариацией старого тезиса о неререформируемости советской системы (которая сумела пережить даже гибель своего государства). В версии Коткина он выглядит более убедительным, но лишь на первый взгляд. Как понимает и сам Коткин, бывшим советским директорам достались в основном не реальные богатства, а лишь свалка, годная для индустриального каннибализма. А вот те части экономики, которые продолжали работать, очень быстро оказались в руках других людей, не связанных со старым менеджментом. И если реформаторы уступили перед силой коррумпированной бюрократии в вопросе о последовательности рыночных реформ, то они почему-то были успешны в более важной борьбе за самые перспективные куски советской экономики. Так ли бессильны перед советской бюрократией были они на самом деле, или же их сила была просто направлена на другие цели?

Другим слабым местом, общим у Коткина, Аллена и других авторов, придерживавшихся структуралистского подхода к анализу советской экономики, остается вопрос о критериях «правильности». Кого бы исследователи не рассматривали в качестве нормы: экономики США, Японии, других развитых или развивающихся стран, мировая экономика в целом или даже просто некие идеальные модели, построенные в их головах, неизбежен вопрос: почему советская экономика должна была соответствовать этой норме. Логичнее предположить, что, будучи уникальной по своим условиям существования, экономика СССР должна была и по своим структурным пропорциям оставаться уникальной. И поэтому непонятно, почему Коткин предлагает в качестве универсального образца постиндустриального перехода американскую модель. Понятно, что СССР не мог совершить постиндустриального перехода по американской модели, но значит ли это, что был невозможен некий иной постиндустриальный переход и/или переходы, и, смотря на структуру современной экономики Российской Федерации, где всё большую роль играют услуги, можно утверждать даже, что этот переход произошёл. Но само по себе это говорит скорее в пользу предположения, что не этот переход был главной проблемой позднего СССР, а настоящей проблемой была интеграция в мировую экономику и требующаяся для этого перестройка структуры экономики.

Важный составной элемент постиндустриальной модернизации — создание инновационной экономики. Можно ли было добиться инновационного развития экономики в позднем СССР? Это один из вопросов, на которые попытался ответить Лорен Грэхэм⁴ в своей книге «Сможет ли Россия конкурировать?». Как и большинство других упомяну-

⁴ Лорен Грэхэм, профессор Массачусетского технологического института. По образованию химик, стажировался по обмену в МГУ, после стал писать статьи и книги о советской науке.

тых здесь авторов, его интересуют более широкие временные рамки, чем позднесоветский период. В данном случае он начинает своё исследование с первой половины XIX в., и в той области, которую он изучает (культурная и институциональная среда в сфере инновационной деятельности), СССР выглядит историческим продолжением Российской империи, унаследовавшим её проблемы и усугубившим их на свой социалистический лад. Ряд тем (его исследование построено по методу case studies), привлечших его внимание, затрагивают интересующий нас период: история авиационной промышленности, изобретение полупроводников, появление ЭВМ и лазеров.

Взгляд Грэхэма на способность СССР и Российской Империи осуществлять инновации достаточно скептичен. Хотя в России XIX–XX вв. было совершено много научных открытий, в том числе имеющих прикладное применение, их за редкими исключениями так и не удалось превратить в успешные инновации. Поскольку вышеуказанная проблема проявила себя ещё в имперскую эпоху, причины её лежали не только в специфических особенностях советской экономической модели (хотя и она вносила свой вклад). Речь идет о комплексе культурных и политических причин. Так, в русской культуре сформировался взгляд на науку как на некое высокое служение, которое должно быть отделено от низменного коммерческого интереса. Поэтому учёные, как правило, не стремились к коммерческому успеху за счёт своих открытий и часто даже не задумывались о каком-то их практическом применении. Всё это сочетается с негативным образом предпринимателя в общественном сознании [Грэхэм, 2014. С. 148–150]. Видимо, этот тезис можно считать главной идеей автора, на что намекает и английское название книги, которое можно перевести как «Одинокие идеи».

Но кроме этой проблемы были и другие, институционального свойства. Так, инновациям препятствует авторитарный политический режим. Далее автор приводит ряд примеров, когда крупные учёные и изобретатели пострадали из-за подозрений в неблагонадёжности или же неправильного происхождения. Как считает Грэхэм, «российские правители во все времена были более заинтересованы в развитии технологий, которые способствовали наращиванию военной мощи, производили неизгладимое впечатление на наблюдателей или приносили пользу элите, нежели технологий, направленных на улучшение российской экономики в целом» [Грэхэм, 2014. С. 156]. Здесь с автором трудно согласиться, так как предлагаемое им противопоставление выглядит спорным. Для наращивания военной мощи необходимо экономическое развитие, и, по крайней мере, руководители советской эпохи это прекрасно понимали, в том числе потому, что этот вопрос разъяснялся в штудируемых ими трудах основоположников марксизма.

Автократическое правительство в разные эпохи упорно боролось за контроль над передвижением населения, что ограничивало пространственную и социальную мобильность. Его вмешательство в экономику либо очень сильно ограничивало возможности инновационного предпринимательства, либо вовсе запрещало его (как это было в советскую эпоху). Результатом стало отсутствие условий для инновационного предпринимательства. Если в США изобретатель мог создать самостоятельное предприятие и попытаться довести свою идею до практического воплощения, в России и СССР он полностью зависел от своего руководства, и если оно не хотело воплощать его идею на практике, то она обречена была оставаться «под сукном».

Вместо наиболее приспособленной для инновационного развития западной патентной системы в России использовались экономически неэффективные альтернативные подходы [Грэхэм, 2014. С. 168–170]. В случае с Советским Союзом это было «авторское свидетельство об изобретении», которое ограничивало возможности обогащения за счёт изобретений, поскольку было неотчуждаемым и ограничивало размеры выплаты в случае практического использования. На мой взгляд, самой негативной чертой этой системы было то, что её не признавали в других странах (о чём автор почему-то не упоминает).

нул), другие же её особенности носят неоднозначный характер⁵. Лишь в последние годы наметился прогресс в приближении российской системы к западным стандартам (тот факт, что внедрение «правильной» системы не привело к росту активности изобретателей, ставит выводы автора в данном конкретном случае под сомнение). Свой вклад вносит и ошибочная институциональная система, отделяющая научные исследования от образования.

К сожалению, когда начинаешь рассматривать тот фактический материал, на основании которого Грэхэм делает свои выводы, обнаруживается слишком вольное обращение автора с фактами. Один из рассмотренных им «кейсов» — история авиапромышленности. Разбирая её, он подробно рассказывает, как И.В. Сталин, увлеченный гонкой за авиационными рекордами, вмешивался в разработку перспективных самолетов, требовал реализации бессмысленных проектов, таких как самолет-гигант «Максим Горький». Из-за сталинской политики в СССР так и не появилось коммерчески целесообразных самолётов. Далее следует резкий переход к нынешнему плачевному состоянию гражданского авиастроения в России, причём главной причиной автору видятся приобретенные в сталинский период вредные привычки [Грэхэм, 2014. С. 73]. У имеющего минимальные представления об истории советской авиапромышленности человека неизбежно возникает вопрос: а как же целый ряд коммерчески успешных гражданских самолетов, которые в 1960–1980 гг. продавались в десятки стран мира, в том числе не входившие в советскую зону влияния? Финальный крах гражданской авиапромышленности в бывшем СССР очевиден и не случаен, но он заслуживает более внимательного и менее предвзятого анализа.

Даже с учетом подобных фактических искажений рассуждения Грэхэма выглядят логично. Культурная и институциональная среда в СССР абсолютно не годилась для создания инновационного механизма по типу того, который возник в послевоенный период в США и который с разной степенью успеха потом пытались воспроизводить в других странах. Тот механизм, который сложился в СССР, был реализацией некоторых общемировых тенденций первой половины XX в., которые были ошибочно восприняты как доминирующие. И этот механизм не мог соперничать с американским. Но, учитывая все разобранные Грэхэмом факторы (а также один им пропущенный, но немаловажный — инновационный механизм американского типа требует финансовых вливаний американского масштаба), не был ли советский инновационный механизм наилучшим образом приспособленным к тем условиям, в которых он существовал? Возможен ли был какой-то более выигрышный вариант инновационного механизма? Поскольку все разобранные автором факторы остаются частью нашей социальной реальности, этот вопрос имеет более актуальное значение, чем просто историческое любопытство.

Вопросу нарастающей неспособности СССР преодолеть технологическое отставание в информационных технологиях посвящена первая глава третьего тома исследования Мануэля Кастельса⁶ «Информационная эпоха. Экономика, общество и культура». В ней автор, приведя сначала стандартную аргументацию мейнстримного объяснения провала советской экономики, затем утверждает, что главная проблема СССР была в том, что он упустил начало эпохи информатизации. В качестве аргумента он рассказывает о своём знакомстве с советской электронной промышленностью, в ходе которого он удостоверился

⁵ Оценивать этот характер лучше в рамках более широких споров о влиянии патентного права на инновационное развитие Запада, в частности, на индустриальную революцию. Так, Дж. Мокир в своей книге «Рычаг богатства» называл патентную систему обоюдоострым мечом и утверждал, что она «явно не являлась необходимым фактором» [Мокир, 2014], Р. Аллен в своём исследовании британской промышленной революции показал, что большинство создателей крупных инноваций не смогли или не захотели воспользоваться её институтами [Аллен, 2014].

⁶ Мануэль Кастельс — испанский политик, социолог-постмарксист, в настоящее время министр образования Испании.

в её глубокой технологической отсталости, хотя и отметил высокое качество научного и инженерного персонала. Советский Союз не смог воспроизвести новую технологическую революцию, начатую в западных странах на основании новых информационных технологий [Кастельс, Кисилева, 1999. С. 20]. Далее он анализирует причины отставания: негативное влияние военных, которые оказались слишком консервативными потребителями, разрыв между чистой наукой и практикой, надежды на решение проблем за счёт импорта и переноса технологии, негибкость плановой экономики.

Безусловно, техническая база советской электронной промышленности отставала от западной, но имелись ли в СССР возможности для таких же инвестиций, которые делались в эту отрасль в США? И насколько это отставание сказалось в 1970-е и даже 1980-е гг.? Известно, что СССР довольно активно занимался автоматизацией и роботизацией производства. С разработкой персональных компьютеров СССР запоздал, но такой ли большой вклад они вносили в 1980-е гг. в экономический рост Запада? Наконец, сама история их разработки показывает ловкость и изворотливость советских инженеров, которым удалось их создать на отставшей технологической базе. Как известно, ключевое значение для электронной промышленности имеет разрешающая способность технологии производства транзисторов. По этому показателю СССР всегда отставал на одно-два поколения, что закладывало отставание элементной базы. Это заставляло советских инженеров заниматься в первую очередь поисками возможности создания на отсталой базе продукта с наименьшим возможным отставанием от иностранных образцов, а не работой на опережение. Но корнем проблемы была неспособность СССР обеспечить сопоставимый с мировой электронной промышленностью объем инвестиций в развитие базовых технологий.

Неоинституционализм

Как видно из предыдущего изложения, исследуя экономические проблемы, мы постоянно сталкиваемся с влиянием на них политических институтов. И тут нельзя пройти мимо Дарона Аджемоглу⁷ и Джеймса Робинсона⁸, чьи оригинальные идеи подчеркивают роль политических институтов и элит в развитии и стагнации экономики. Их книга «Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty» (в русскоязычном переводе «Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты») снискала широкую популярность. Возможно, причина в том, что она удобно вписывается и в современный правый, и в современный левый идеологический дискурс. Эта теория может, с одной стороны, обосновывать американскую исключительность, а с другой — дать аргументы в пользу более «инклюзивной» внутренней политики, в том числе необходимости улучшения положения различных меньшинств. Её польза очевидна и с точки зрения внешней политики США, так как обосновывает необходимость распространения либеральной демократии в мире. Возможно, эта идеологическая нагрузка повлияла на некоторую склонность к упрощению, которую можно поставить в упрек этой теории. Но, хотя она и заслуживает критики по многим пунктам, в ней есть рациональное зерно. Оно, как минимум, в том, что имеют значение не только культура и институты, но и элиты.

Аджемоглу и Робинсон делят все страны на две категории: с инклюзивными и экстрактивными политическими институтами. В первых господствует экономическая и политическая свобода, не ограничивающая людей в доступе к ресурсам и возможности экономической деятельности. В них происходит развитие технологий и стабильный долгосрочный экономи-

⁷ Дарон Аджемоглу (Асемоглу) — американский экономист армянского происхождения, профессор Массачусетского технологического института.

⁸ Джеймс Робинсон — британский экономист и политолог, профессор Гарварда.

ческий рост. В странах с экстрактивными политическими институтами у власти находится жадная элита, монополизировавшая власть и экономические возможности, озабоченная тем, чтобы выжать из своих сограждан как можно больше средства, опираясь на инструменты политического господства. В таких странах экономический рост тоже иногда возможен, но редко, и в историческом масштабе недолго. «Экономический рост и процветание приходят вместе с инклюзивными политическими и экономическими институтами, тогда как экстрактивные институты ведут к стагнации и нищете» [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 209].

Экстрактивные и инклюзивные институты в разных областях склонны поддерживать другие институты того же типа. Поэтому какие-то промежуточные, переходные формы от одного к другому встречаются редко, как и мягкий переход между ними. Чаще всего общества сильно зависят от прошлого, в котором его движение пошло в одну или в другую сторону, причём порой по случайным или малозначительным причинам. Например, инклюзивная система в США начала формироваться из-за отсутствия золота в зоне английской колонизации в Северной Америке. Но если система уже сформировалась, то обычно для перехода требуется уникальное событие, которое авторы называют точкой перелома [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 239–240]. Это может быть чума, начало колонизации нового континента или революция (хотя в последнем случае часто одна тирания просто меняется на другую).

Не избежали авторы необходимости высказаться об экономической истории Советского Союза. СССР они относят к категории экстрактивных государств, ставя в один ряд с Мексикой или Гаити. С их точки зрения это, был пример того, как экстрактивная система может обеспечить высокие темпы роста, но этот рост не будет стабильным. Причина затухания экономического роста в том, что экстрактивные институты не могут поддерживать непрерывные технологические инновации, которым препятствует не только отсутствие экономических стимулов, но и сопротивление элит [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 283]. Советская система не могла создать таких стимулов, которые «заставили бы работника мыслить и порождать новые идеи» [Аджемоглу, Робинсон, 2016. С. 292]. Более того, нацеленная на экстрактивный рост система не могла допустить, чтобы люди начали реализовывать свои таланты и выдвигать новые идеи. Здесь мне как исследователю хочется поспорить с авторами, поскольку мое изучение работы советской промышленности показывает, что как раз с задачей мотивировать людей «мыслить и порождать новые идеи» она справлялась хорошо [Ермолов, 2013. С. 291–299], в том числе и за счёт неоднозначного института «авторского свидетельства», который уже обсуждался выше (хотя одного этого недостаточно для эффективного инновационного механизма). Более того, если бы советская элита действительно не хотела, чтобы люди на работе проявляли свои таланты, выдвигая новые идеи, то таких новых идей и не появлялось бы, примером чему может отчасти служить экономика современной России. Нам же источники времен позднего СССР доносят многочисленные жалобы на то, что перспективные идеи работников не реализуются из-за равнодушия бюрократии. Сейчас таких жалоб мы не встречаем, потому что никаких идей работниками не предлагается.

Понятно, что любая теория, делящая государства на два типа, заслуживает уже только за это изрядную порцию критики⁹. Хуже того, если для инклюзивного государства в качестве модели были выбраны США, то модельным экстрактивным государством оказалась Мексика. Из-за этого получившаяся модель подходит в первую очередь для латиноамериканских и африканских стран (а также для некоторых стран, возникших в результате распада СССР). Но уже азиатские страны с их «диктатурами развития» помещаются в эту бинарную модель с трудом, и авторам приходится постоянно делать оговорки. А в случае с социалистическими странами возникает ещё больше вопросов. В частности, почему социалистические режимы постоянно и очень сильно ограничивали своей элите возмож-

⁹ Более подробная критика идей Аджемоглу: [Арсланов, 2016].

ности самообогащения (ради которого, по теории Аджемоглу и Робинсона, эти режимы и должны существовать), почему они проводили политику, расширяющую для не входящих в элиту людей доступ к образованию и карьере? Идея поставить СССР в один ряд с диктаторскими режимами стран третьего мира не может быть продуктивной, так как слишком противоречит фактам.

Другое важное упущение модели Аджемоглу и Робинсона — вопрос о взаимодействии стран двух типов в мировой экономике. Если уж мы говорим о диктаторах Африки и Латинской Америки, то их режимы существуют не сами по себе, и их элиты не просто так накапливают богатства. Более того, они извлекают ресурсы из своего населения «экстрактивными методами» не только и не столько для себя, эти ресурсы и деньги потом уходят из их стран и попадают в мировую экономическую систему. Составной частью благополучия и прогресса «стран с инклюзивными институтами» были и остаются финансовые потоки и потоки ресурсов из «стран с экстрактивными институтами».

Элитологический подход

В нашей работе мы постоянно сталкиваемся с бюрократией, правящим слоем, властью, элитой. И, возможно, ответы на наши вопросы нам может дать изучение истории советской элиты. На помощь нам тут приходит несколько авторов, которые очень по-разному описывают это явление, но всё же в этих описаниях есть общие черты. Все они считают процессы, происходившие в советской элите, ключевыми для понимания истории Советского Союза. И их взгляды основаны на тщательном изучении советских архивных документов. И если мы примем эти взгляды, то получается, что сам дискурс об экономических реформах меняет смысл, потому что их судьба зависела не от потенциального позитивного воздействия на экономику, общество, государство, а от динамики взаимодействия элитных слоев и группировок.

Насколько связаны советские элиты и нелёгкая судьба социалистической экономики? Не выходит ли тут изложение за рамки темы? Я считаю, связь очень сильна. В качестве примера приведу проблему взаимоотношений между местными региональными элитами и промышленными предприятиями. Не секрет, что во многом местная власть пользовалась ресурсами предприятий для решения каких-то своих задач, от улучшения социального положения в регионе до повышения личного комфорта. Фактически в СССР действовал неформализованный натуральный налог с промышленных предприятий в пользу местной элиты. За счёт этого налога создавалась социальная инфраструктура, но и загородные резиденции секретарей обкомов возводились из тех же кирпичей и досок. Этот налог собирался в виде рабочей силы, стройматериалов, автомобильных перевозок, бензина и т.д., и не учитывался централизованным планированием и распределительной системой (что само по себе ставит под сомнение возможность существования плановой экономики в СССР). Это лишь один из факторов, показывающих, насколько состояние экономики зависело от баланса сил внутри элиты.

Книга Арча Гетти¹⁰ «Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция» отличается несколько эпатажным стилем изложения. Уже название намекает нам, что автор будет искать корни советской системы очень глубоко. С его точки зрения, эту систему можно кратко описать так: «клан царя или верховного руководителя главенствовал над сетью подчиненных кланов, которые сообща правили страной, опираясь на личные связи и верность, а не на закон» [Гетти, 2016. С. 276]. Это началось ещё с киевских князей

¹⁰ Джон Арчибалд Гетти III — американский историк, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе, изучал историю Большого террора, относит себя к историкам-ревизионистам.

и продолжается после распада СССР, когда «Ельцин, подобно настоящему московскому князю, действительно собрал вокруг себя родственников и свойственников. Так Россией всегда и управляли» [Гетти, 2016. С. 277]. Впрочем, не только Россией. «Политические кланы, слабость институтов, персонализированная политика доминируют почти всюду». Современное общество существует лишь в немногих странах «по обе стороны Ла-Манша» и там, где оно оттуда было пересажено [Гетти, 2016. С. 300]. Таким образом, Гетти, с одной стороны, рассматривает СССР как продолжение политических традиций исторической России, а с другой — помещает его в ряд государств со слабыми институтами, как это делают упомянутые выше неоинституционалисты.

Гетти называет такую систему патримониальной, ссылаясь на Макса Вебера, хотя его модель патримониального государства от модели Вебера принципиально отличается. Веберовское патримониальное государство — это государство, превращенное в персональную собственность правителя и управляемое как персональная собственность (за образец модели были явно взяты княжества Священной Римской Империи). По Гетти же правит не правитель, а кланы, то есть государство тут превращается в коллективную добычу. Кроме того, Гетти считает, что на самом деле нет противоречия между тенденцией к «рационализации» государства и сохранением патримониальной системы власти (то есть власти элитных кланов) [Гетти, 2016. С. 281]. Поэтому клиентеллизм и патримониальность вовсе не обречены на историческую гибель, и даже укрепление институтов их не остановит.

Конечно, радикализм формулировок Гетти кажется слишком экстравагантным. Он сам в заключении делает оговорки, что не считает, что общество в России в разные периоды её истории не менялось, и признает, что Российская империя, СССР и Российская Федерация имели разную идеологию, социальную структуру и экономику. Но эта оговорка не снимает другие вопросы, мимо которых он прошёл. Прежде всего, почему элита, опираясь на похожие институты, в разные исторические периоды вела себя по-разному, в том числе по-разному влияла на экономическое развитие? Допустим, подмеченные Гетти черты сходства между «путинской» и «сталинской» элитой действительно имеют место, но почему путинские чиновники и олигархи ведут себя по отношению к стране и экономике не так, как сталинские наркомы? И почему те же сталинские наркомы действовали в 1940-е гг. не так, как в 1970-е?

Другое интересное исследование о советской элите — книга Дж. Истера¹¹ «Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификации элиты в Советской России» тоже исследует элиту раннего советского периода, но содержит выводы, ориентированные на более широкий контекст. Изучая поведение ранней советской элиты, Истер пришёл к выводу, что решающее значение для неё имела система личных связей, благодаря которой в распоряжение её членов поступали «неформальные ресурсы власти» [Истер, 2010. С. 194]. Наличие этих ресурсов было необходимо, чтобы поддерживать власть в условиях слабости государственного аппарата. Поскольку советское государство в первую половину своей жизни было слабым, то такого рода неформальные ресурсы и сети были жизненно важны для его существования. Неформальные связи и личная взаимопомощь оказали положительное влияние на способность советского государства к территориальному управлению.

Но и после того как государственные институты укрепились, эта система продолжила существовать в новых условиях, но роль её недооценивалась исследователями. «Из-за существовавшего у страноведов представления, что сила государства либо в официальных органах сверху, либо в социальных силах снизу, они не видели основных ограничений на власть, созданных переплетением неформальных систем личных взаимоотношений

¹¹ Джеральд Истер — доцент факультета политологии Бостонского колледжа.

с официальными организационными структурами» [Истер, 2010. С. 200]. Это, по мнению Истера, заставляет задуматься о правильности современных представлений о государственном строительстве, которые противопоставляют укрепление официальных институтов и силу неформальных сетей. Он также обращает внимание на то, что сети личных связей были характерной чертой управления многих государств на этапе их становления, в том числе Израиля и Китайской Народной Республики.

Впрочем, у элитных групп в раннем и позднем СССР помимо сходных черт было и существенное отличие. В ранний период элитные сети были ориентированы во вне, то есть тянулись за пределы органов, структур и территорий, связывая их друг с другом. В позднем СССР группы были ориентированы вовнутрь, то есть представляли собой замкнутые в своём ведомстве или регионе кланы. Как считает Истер, это стало одной из важнейших предпосылок развала СССР. При Сталине сформировалось две альтернативы дальнейшего развития советской системы, соединявшей деспотическую верховную власть и неформальные сети этажом ниже. Либо протокорпоративный режим с упорядоченной и контролируемой властью наверху и персонифицированной и бесконтрольной «инфраструктурной властью» внизу, либо бюрократический абсолютистский режим с контролируемой и рационализируемой «инфраструктурной властью» и бесконтрольной персонифицированной верховной властью [Истер, 2010. С. 196–197]. Первоначально в конфликте победила вторая альтернатива. Но эта победа не стала окончательной. После отставки Хрущёва наоборот, первая альтернатива возобладала над второй. Наконец, реформы Горбачёва стали борьбой против этой первой альтернативы, и эта борьба привела советскую систему к гибели. Так же, как и Гетти, Истер считает, что система личных связей успешно пережила развал и демонтаж официальных структур и успешно обосновалась в современной России.

Особое внимание сторонники элитологического подхода уделяют репрессиям (и, шире, политической борьбе, в том числе подковёрной) против элиты в сталинский период. Для Истера это была схватка между двумя альтернативными моделями патримониальной системы. Региональные руководители не смогли вовремя устранить Сталина, а вот центральная власть, напротив, сумела многое сделать, чтобы лишить их неформальных ресурсов. Но после победы она не отказалась от прежних практик полностью, а лишь сделала местные сети более зависимыми от центральной власти.

Как считает Дж. Хоскинг, сталинский террор был направлен против кланов и «посреднических сетей», но «система зависела от них, поэтому в конечном счёте он был обречен на неудачу... однако сначала причинил огромные страдания и уничтожил множество отдельных людей, но не систему» [Hosking, 2000. P. 317–318].

В ещё одном исследовании о советской элите, книге Эвана Модсли¹² и Стивена Уайта¹³ «Советская элита от Ленина до Горбачёва», авторы утверждают, что первое поколение советской элиты к середине 1930-х фактически стало несменяемым, и без каких-либо экстренных жестких мер могло бы оставаться несменяемым ещё десятилетия. Фактически сменить её можно было только путем физического уничтожения [Модсли, Уайт, 2011. С. 381]. С помощью Большого террора Сталин смог этого добиться, но не создал механизмов, которые обеспечили бы смену поколений элиты. Фактически произошла просто замена одной элиты на другую. Новая элита постепенно стала такой же сплоченной и несменяемой, как и предыдущая. Чтобы ввести в элиту новых людей, нужно было расширять число привилегированных должностей. Экономические проблемы и стагнация в технологическом развитии были результатом этого кадрового застоя. «В период с 1960–1980-х гг. интересы элиты возобладали, и вся система в известной степени была нацелена на их

¹² Эван Модсли, британский историк, преподавал в Университете Глазго в Шотландии. Изучает историю СССР и Второй Мировой войны.

¹³ Стивен Уайт — профессор политологии университета Глазго. Автор книги о внешней политике России.

удовлетворение» [Модсли, Уайт, 2011. С. 389]. Здесь выводы авторов совпадают с неoinституциональным взглядом.

В конечном итоге Горбачёв попытался преодолеть кадровый застой и всевластие элиты. Он устранил многих представителей старой элиты, но не смог сформировать новую элиту из людей, рожденных после 1940 г., что предопределило результаты его правления. Возможно, более быстрое выдвижение представителей третьего и четвертого поколения советской элиты придало бы системе большую адаптивность и позволило ей выжить, но этого не случилось. Вместо этого борьба между Горбачевым и элитой привела к краху системы. Модсли и Уайт оставляют открытым вопрос, в какой степени новая элита России была преемственной по отношению к советской. Они указывают на то, что многие элитари советской эпохи заняли в 1990-е важные позиции в политической системе Российской Федерации, а также на «комсомольскую экономику», из которой выросли российские олигархи¹⁴. Но всё же авторы склонны говорить не о полной преемственности, а о частичной смене элит [Модсли, Уайт, 2011. С. 407]. Коммунистическую элиту убедили поделить власть под давлением народа, но в посткоммунистической России вопрос стоит не только о власти, но и о сохранении собственности и безопасности от наказания за совершенные преступления. Поэтому маловероятно, что элиты будут уступать позиции под давлением демократического избирательного процесса.

Как и большинство других направлений, элитологическое считает советскую систему не поддающейся реформированию. Но на фоне всех остальных её выводы наиболее печальны. Ведь согласно этим теориям, главный фактор, сделавший СССР неререформируемым и погубивший его, пережил его гибель и по-прежнему влияет на нашу жизнь. Не придется ли следующему поколению историков писать о неререформируемости Российской Федерации?

Выводы

Что можно сказать в заключение этого обзора, кроме стандартной фразы о том, что тема нуждается в дальнейшем исследовании? Очевидно, что надо смотреть и глубже, и шире. Надо продолжать изучать оставшиеся от эпохи источники. И одновременно необходимо смотреть на проблемы СССР не только как на экономические, но и как на социальные и политические. И особенно полезным, мне кажется, будет обратить внимание на элиту. Надо признать, что имеют право на жизнь не только принципы «культура имеет значение» и «институты имеют значение», но и «элита имеет значение». И не всегда это значение положительное.

После распада СССР прошло 30 лет, но единства мнений о его причинах нет. Хотя, казалось бы, если не брать в расчёт бывший СССР, проблему изучает не так уж много людей. Конечно, все согласны с тем, что какую-то роль в нем сыграли экономические трудности. Но как оценить эту роль по силе влияния? Какие именно это были трудности? В чем были корни этих трудностей? Что препятствовало реформированию системы? В ответах на этот вопрос нет единства. Каждый видит какие-то свои важные факторы, но не видит другие. Какую-то роль в оценках, конечно, неизбежно играет идеология, какую-то ещё — внутренняя жизнь научного сообщества, противостояние разных его направлений, но значительно важнее, как мне представляется, является предыдущая исследовательская деятельность; то, какие вопросы человек изучал до того, как счёл необходимым выска-

¹⁴ Мне представляется, что рассмотрение тезиса о преемственности советской и постсоветской элиты требует ответить на вопрос: почему олигархическая элита вышла из комсомола, а не, скажем, из аппарата ЦК, Совмина, Госплана?

заться по разбираемой здесь проблеме. В том числе могут иметь значение даже темы, не связанные непосредственно с поздним СССР или вообще Россией (как история сталелитейной промышленности повлияла на Р. Аллена). А поскольку у каждого свой уникальный багаж, то и объяснения выдвигаются свои. Кроме того, разные авторы склонны помещать СССР в разный контекст, и этот контекст формирует различные представления о нем. Так, для одних СССР — это в первую очередь социалистическое государство (что может быть хорошо или плохо), для других — урбанизированная страна с индустриальной экономикой, для третьих — продолжение исторической России. СССР предстал перед нами то как одна из восточноевропейских империй, то как ещё одна диктатура в ряду грабительских диктаторских режимов, то как государство на этапе становления в ряду других новых государств, преимущественно постколониальных.

Изучаемое явление оказалось слишком сложным, многосторонним, и для его понимания недостаточно какой-то одной идеи, подхода, модели. Такое понимание может дать только сложный комплексный подход, который будет учитывать и сильные стороны упомянутых выше подходов, и какие-либо другие новые взгляды. И пока такого подхода нет, то наблюдаемое многообразие взглядов может считаться скорее позитивным. И, если такого подхода нет сейчас, то тем более его не могло быть 40, 35, 30 лет назад, когда созрели идеи экономических реформ, предлагавших простые решения проблем, которые и сегодня не вполне ясны. Мы не можем пока сказать, что у нас есть правильный диагноз, но мы можем сказать, что правильного диагноза не было тогда.

Впрочем, история позднего СССР не единственный пример многообразия взглядов и подходов. В конце концов, гибель Римской империи обсуждают и более интенсивно, и куда дольше. В результате этого изучения в 1984 г. немецкий историк А. Демандт установил, что мировым интеллектуальным сообществом было предложено 210 объяснений падения Рима [Demandt, 1984]. Он расставил их в алфавитном порядке, начиная с абсолютизма и заканчивая эскапизмом. С тех пор список продолжал пополняться. Многие из них вполне подходят для Советского Союза. Скажем, аргументы в пользу вины абсолютизма очень похожи на рассуждения сторонников «тоталитарной школы». Эскапизмом, кажется, никто всерьёз не занимался, но у этого направления тоже есть большие перспективы: в позднем СССР явление это было чрезвычайно распространено. Догонит ли СССР Римскую империю?

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Д. (2016). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ.
- Аллен Р.С. (2013). От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН.
- Аллен Р.С. (2014). Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во института Гайдара.
- Арсланов В.В. (2016). География, институты и история глобального неравенства: критика концепции экономического развития Аджемоглу и Робинсона. М.: Институт экономики РАН.
- Гетти А. (2016). Практика сталинизма: большевики, бояре и неумирающая традиция. М.: РОССПЭН.
- Гловели Г.Д. (2009). Геополитическая экономия в России: от дискуссии о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя.
- Грэхэм Л. (2014). Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Издательство «Манн, Иванов и Фарбер».
- Ермолов А.Ю. (2013). Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетейя.
- Запарий В.В. (2007). Черная металлургия Урала в 70-е гг. XX века. Екатеринбург: Изд-во УМЦ-УПИ.
- Истер Дж. М. (2010). Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН.

- Кастельс М., Кисилева Э. (1999). Кризис постиндустриального этатизма и коллапс Советского Союза // Мир России. №3. С. 3–56.
- Коткин С. (2018). Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение.
- Модсли Э., Уайт С. (2011). Советская элита от Ленина до Горбачёва. Центральный комитет и его члены. 1917–1991. М.: РОССПЭН.
- Мокир Дж. (2014). Рычаг богатства. Технологическая креативность и экономический прогресс. М.: Изд-во института Гайдара.
- Ореховский П.А. (2019). Структуры когнитивности и российские реформы. М.: Институт экономики РАН.
- Асемоглу Д.; Робинсон Дж. (2012). Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Business.
- Allen R.C. (1979). International competition in Iron and Steel, 1850–1913 // Journal of Economic History. Vol. 39. Pp. 911–937.
- Berliner J.S. (1976). The Innovation Decisions in Soviet Industry. Cambridge; Mass.: The MIT Press.
- Castells M. (1998). The End of the Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III. Cambridge. MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Easterly W., Fischer S. (1995). The Soviet Economic Decline // World Bank Economic Review. Vol. 9. Pp. 341–371.
- Ellman M. (2004). Soviet Industrialization: A Remarkable Success? // Slavic Review. Vol. 63. No. 4. Pp. 841–849.
- Graham L. (2013). Lonely Ideas: Can Russia Compete? Cambridge, London: The MIT Press.
- Harrison M. (1993). Soviet economic growth since 1928: The alternative statistics of G. I. Khanin // Europe-Asia Studies. Vol. 45. No. 1. Pp. 141–167.
- Hosking G. (2000). Patronage and the Russian State // Slavonic and East European Review. Vol. 78. No. 2. Pp. 301–320.
- Jensen M., Meckling W. (1976). Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics. Vol. 3. No. 4. Pp. 305–360.
- Weitzman M. L. (1970). Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution // American Economic Review. No 5 (60).

Ермолов Арсений Юрьевич

fhctybq@mail.ru

Arseniy Ermolov

*Ph.D. (History), Senior Researcher at the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
fhctybq@mail.ru*

THE VIEWS OF MODERN FOREIGN SCIENTISTS ON THE ECONOMIC PROBLEMS OF THE LATE USSR

Abstract. In this report, the author describes the views of modern foreign historians, economists and political scientists on the economic problems of the late USSR. It is believed that the reaction to these problems led to economic and political reforms that eventually formed the Russian Federation as it is now. But was the diagnosis made correctly? Modern foreign researchers have proposed a number of their own interpretations of the economic problems of the late USSR, which in some ways overlap and in some ways contradict each other. Everyone sees some important factors, but ignores others. These differences are determined by previous research activities and previously formed views. Since these views and experiences differ, a unified position on such a complex issue becomes impossible. Nevertheless, each position can have useful ideas, or at least some reasons to think again about the need for additional study of seemingly long-established facts. For example, what were the actual reasons for the decline in aggregate factor productivity? An example of a useful idea that needs to be developed further is the need to study the processes that took place in the elite. We must admit that the elite is important for the development of the economy. Studying the views of foreign authors helps identify “cognitive structures” that create explanations for past events, and “blind spots”, that is, those obvious phenomena or processes that are perceived as nonexistent. Such blind spots are unavoidable for both Russian and foreign authors, and a comparison of views gives a chance to see them in both. The second part of the article examines new concepts that offer approaches that differ from those that prevailed during the Cold war era.

Keywords: *Economic history of the USSR, collapse of the USSR, planned economy, socialism, market reforms, institutions, elites, bureaucracy.*

JEL: P2, P20, P21, P27, P3.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J.A.* (2012). *Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Business. (In Russian).
- Acemoglu D., Robinson J.A.* (2016). *Why Some Countries Are Rich and Others Are Poor. The Origin of Power, Prosperity and Poverty*. M.: AST (In Russian).
- Allen R.C.* (1979). *International Competition in Iron and Steel, 1850–1913 // Journal of Economic History*. Vol. 39. Pp. 911–937.
- Allen R.C.* (2013). *Farm to Factory: A Reinterpretation of Soviet Industrial Revolution*. M.: ROSSPEN. (In Russian)
- Allen R.C.* (2014). *British Industrial Revolution in the Global Picture of the World*. M.: Izd-vo instituta Gajdara. (In Russian).
- Arslanov V.V.* (2016). *Geography, institutions and history of global inequality: a critique of the concept of economic development of Acemoglu and Robinson*. Scientific report, preprint. M.: Institute of Economics. (In Russian).
- Berliner J.S.* (1976). *The Innovation Decisions in Soviet Industry*. Cambridge; Mass.: The MIT Press.
- Castells M.* (1998). *The End of the Millennium, The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. III. Cambridge; MA; Oxford, UK: Blackwell.
- Castells M., Kisileva E.* (1999). *The crisis of post-industrial statism and the collapse of the Soviet Union // Mir Rossii*. №3. Pp. 3–56. (In Russian).
- Easter G.M.* (2010). *Soviet State Construction. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. M.: ROSSPEN. (In Russian).
- Easterly W. Fischer S.* (1995). *The Soviet Economic Decline // World Bank Economic Review*. Vol. 9. Pp. 341–371.
- Ellman M.* (2004). *Soviet Industrialization: A Remarkable Success? // Slavic Review*. Vol. 63, No. 4. Pp. 841–849.
- Ermolov A. Ju.* (2013). *State Management of the Military Industry in the 1940s: the Tank Industry*. Sankt-Peterburg: Aletejya. (In Russian).
- Getty J. A.* (2016). *Practicing Stalinism: Bolsheviki, Boyars, and the Persistence of Tradition*. M.: ROSSPEN. (In Russian).
- Glovely G.* (2009). *Geopolitical economy in Russia: from the discussion of identity to global models (XIX-the first third of the XX century)*. Sankt-Peterburg: Aletejya. (In Russian).
- Graham L.* (2013). *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* Cambridge: London: The MIT Press.
- Graham L.* (2014). *Can Russia Compete? History of Innovation in Tsarist, Soviet, and Modern Russia*. M.: Izdatelstvo «Mann, Ivanov i Ferber». (In Russian).
- Harrison M.* (1993). *Soviet economic growth since 1928: The alternative statistics of G. I. Khanin // Europe-Asia Studies*. Vol. 45. No. 1. Pp. 141–167.
- Hosking G.* (2000). *Patronage and the Russian State // Slavonic and East European Review*. Vol. 78. No. 2. Pp. 301–320.
- Jensen M., Meckling W.* (1976). *Theory of the Firm. Managerial Behavior, Agency Costs and Ownership Structure // Journal of Financial Economics*. Vol. 3. No. 4. Pp. 305–360.
- Kotkin S.* (2018). *Armageddon averted. The Soviet Collapse, 1970–2000*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Mawdsley E., White S.* (2011). *The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev: The Central Committee and its Members. 1917–1991*. M.: ROSSPEN. (In Russian).
- Mokyr J.* (2014). *Wealth Lever. Technological Creativity and Economic Progress*. M.: Izd-vo instituta Gajdara. (In Russian).
- Orekhovskiy P.A.* (2019). *Cognitive structures and Russian reforms*. Scientific report, preprint. M.: Institute of Economics. (In Russian).
- Weitzman M. L.* (1970). *Soviet Postwar Economic Growth and Capital-Labor Substitution // American Economic Review*. No. 5 (60).
- Zaparij V.V.* (2007). *Ferrous Metallurgy of the Urals in the 1970s*. Ekaterinburg: Izd-vo UMC-UPI (In Russian).